

Христiанская вѣра въ чудеса.¹⁾

Православно-русскій народъ уже три вѣка празднуетъ этотъ 22-й день м. октября въ воспоминанiе избавленiя нашего отечества отъ многихъ враговъ заступленiемъ Божiей Матери отъ святой чудотворной иконы Ея, именуемой Казанскою. Изъ поколѣнiя въ поколѣнiе переходитъ религiозное благоговѣнiе къ чудотворному образу Богоматери, и мы вѣримъ, что, пока стоитъ земля русская, этотъ образъ будетъ служить предметомъ особенно горячаго почитанiя для всѣхъ русскихъ людей, которые справедливо видятъ въ немъ данное имъ отъ Бога небесное знаменiе чудеснаго водительства Божiя въ исторiи и русскаго государства и русской Церкви, и которые съ вѣрою взираютъ на него, какъ на нѣкій кивотъ завѣта, низводящiй отъ Бога великое множество Его милостей всѣмъ страждущимъ, труждающимся и обремененнымъ. Торжественное воспоминанiе объ этой нашей всенародной святынѣ дало намъ поводъ избрать темой для настоящаго нашего чтенiя вопросъ о христiанской вѣрѣ въ чудеса.

Вѣра въ чудеса составляетъ основу нашей христiанской религiи, которой невозможно представить себѣ безъ этой вѣры. Кто, по тѣмъ или другимъ основанiямъ, отвер-

1) Богословское чтенiе, предложенное въ залѣ Религiозно-просвѣтительнаго Общества 22 окт. 1908 г.

гаетъ вѣру въ чудеса, тотъ необходимо долженъ допустить, что предметъ нашей вѣры—Богъ Творецъ, Промыслитель и Судья міра—есть нѣчто намъ невѣдомое,—а какъ можно ставить алтари и приносить на нихъ жертвы тому Богу, о Которомъ мы убѣждены, что Онъ никогда непосредственно не открывалъ Себя людямъ, что именно и предполагается отрицаніемъ чудесъ? Мы можемъ служить только тому Богу, Который „не перестаетъ свидѣтельствовать о Себѣ, подавая намъ съ неба дожди и времена плодоносныя, и исполняя пищею и веселіемъ сердца наши“ (Дѣян. 14, 17). Для живой, религіозной вѣры въ Бога недостаточно тѣхъ свидѣтельствъ о Немъ, какія предлагаетъ намъ природа, хотя они и поразительны, по слову Псалмопѣвца: „Господи, Боже нашъ! Какъ величественно имя Твое по всей землѣ! Слава Твоя простирается превыше небесъ!.. Когда взираю Я на небеса Твои, дѣло Твоихъ перстовъ, на луну и звѣзды, которыя Ты поставилъ: то что есть человѣкъ, что Ты помнишь его, и сынъ человѣческій, что Ты посѣщаешь его“ (8, 2—5)? Эти величественныя явленія природы, давшія одному ученому мужу поводъ сказать: „въ твореніи я ощущаю Бога какъ бы руками,“ сами по себѣ могутъ раждать въ душѣ только удивленіе и нѣкоторое религіозное томленіе, но религіозной вѣры и живого упованія сами по себѣ они никогда не производятъ. Предоставленный только воспитательному воздѣйствію природы, человѣкъ никогда не дошелъ бы до вѣры въ Бога, какъ живое, личное Существо, безконечно высшее всего созерцаемаго имъ міра, какъ не могутъ придти къ такой вѣрѣ матеріалисты, съ ожесточеніемъ изгоняющіе вѣру въ чудеса отовсюду. Для истинной религіозной вѣры недостаточно и свидѣтельства души человѣческой съ ея самосознаніемъ и совѣстью. Если бы голосъ Божій въ человѣкѣ одинаково явственно былъ слышимъ всѣми людьми, то безрелигіозныхъ людей не было бы; если же они есть, то значить не всякій обладаетъ достаточно

тонкими чувствами для воспріятія внутренняго свидѣтельства нашей души о Богѣ и не всякій гарантированъ отъ смѣшенія этого свидѣтельства съ обыкновенными продуктами нашего воображенія, съ обыкновенными иллюзіями. Очевидно, для настоящей вѣры въ Бога необходимо, чтобы Богъ непосредственно открывалъ Себя міру въ явленіяхъ чрезвычайныхъ, стоящихъ внѣ обычнаго теченія жизни, т. е. въ чудесахъ. И чудеса этихъ нельзя ограничивать явленіями т. н. вдохновенія посланниковъ Божіихъ (пророковъ и апостоловъ), на которыхъ обильно изливалась благодать Божія, такъ что они выступали провозвѣстниками и истолкователями воли Божіей, за кого вѣрующіе и принимали ихъ. Конечно, вдохновеніе отъ Бога, сопровождающееся даромъ предвидѣнія будущаго и глубокаго проникновенія во внутренний міръ души человѣческой, есть явленіе столь поразительное, что оно всегда зажигаетъ вѣру въ сердцахъ людей. „Никогда человѣкъ не говорилъ такъ, какъ этотъ человѣкъ“—вырывалось изъ устъ слушателей божественныхъ рѣчей Спасителя. Но развѣ не были ложные пророки, выдававшіе за вдохновеніе свои сонныя мечтанія? Съ другой стороны—развѣ люди не обдаются ядомъ своего скепсиса иногда самыя вдохновенныя рѣчи пророковъ Божіихъ? Развѣ не говорили Іисусу Христу: „бѣса имали“?.. Все это приводитъ насъ къ тому выводу, что для нашей религіозной вѣры, наряду съ откровеніемъ Бога въ природѣ внѣшней и въ душѣ человѣческой, наряду съ откровеніемъ Его въ ученіи и дѣятельности чрезвычайныхъ мужей, необходимъ еще тотъ особый видъ откровенія Его міру, который представляютъ собою чудеса. Безъ чудесъ мы не имѣли бы полнаго удостовѣренія, что надъ міромъ и человѣкомъ возвышается Богъ, Который хочетъ имѣть съ нами непосредственное, живое общеніе для нашего же блага. Спаситель ясно говорилъ: „Я имѣю свидѣтельство больше Іоаннова: ибо дѣла, которыя Отецъ далъ Мнѣ совершить, самыя дѣла сіи, Мною

творимы, свидѣтельствуя о Мнѣ, что Отецъ послалъ Меня“ (Іоан. 5, 26). „Я сказалъ вамъ, и не вѣрите; дѣла, которыя творю Я во имя Отца Моего, они свидѣлствуютъ о Мнѣ. Если Я не творю дѣлъ Отца Моего, не вѣрьте Мнѣ. А если творю: то, когда не вѣрите Мнѣ, вѣрьте дѣламъ Моимъ, чтобы узнать и повѣрить, что Отецъ во Мнѣ и Я въ Немъ“ (Іоан. 10, 25, 38). Соответственно сему, вѣра въ чудеса и составляетъ самый существенный пунктъ въ системѣ нашихъ христіанскихъ вѣрованій; безъ нея послѣднія не имѣютъ никакой жизненности и легко превращаются въ предположенія болѣе или менѣе сомнительныя, въ гипотезы болѣе или менѣе гадательнаго свойства. Въ самомъ дѣлѣ, что такое наша вѣра въ Бога Творца, если твореніе міра не есть чудо? Что такое вѣра въ Іисуса Христа, если въ Его явленіи мы не исповѣдуемъ чуда боговоплощенія? Что такое, наконецъ, вѣра въ будущее праведное мздовоздаяніе, если чудо не можетъ имѣть мѣста въ міровой жизни? И т. д.

Отсюда само собою понятно, почему богословская наука съ такимъ мужествомъ защищаетъ вѣру въ чудеса отъ различныхъ нападокъ на нее.

Наиболѣе распространенный способъ защиты чудесъ состоитъ въ томъ, что стараются показать *возможность чудесъ* вообще и библейскихъ въ частности, *съ точки зрѣнія нашихъ познаний о природѣ*. Напр., стараются разъяснить, что переходъ евреевъ черезъ Красное море могъ совершиться, благодаря особенному степенію морского прилива и отлива; стояніе солнца при Іисусѣ Навинѣ могло быть однимъ изъ тѣхъ весьма рѣдкихъ атмосферическихъ явленій, когда солнце кажется видимымъ на горизонтѣ долгое время спустя послѣ его заката, и т. п. При этомъ чудесъ не отвергаютъ, но только полагаютъ, что они заключаются не въ тѣхъ или другихъ явленіяхъ внѣшней природы или жизни человѣка, разсматриваемыхъ объективно, а лишь въ такомъ совпаденіи ихъ, которое отвѣчаетъ извѣстнымъ потребностямъ рели-

гізной вѣры. Само собою понятво, что такая защита беретъ подъ свое покровительство только тѣ библейскія чудеса, относительно которыхъ современная наука и современное религіозное сознаніе даютъ возможность разсуждать съ ея точки зрѣнія, всѣ же остальные она или отвергаетъ или—въ лучшемъ случаѣ—замалчиваетъ. Не трудно видѣть, что кто такимъ образомъ хочетъ отстоять вѣру въ библейскія чудеса, тотъ на самомъ дѣлѣ разрушаетъ ее, ибо строить свою защиту на уступкѣ невѣрію, которое не принимаетъ чудесъ въ библейскомъ пониманіи ихъ. Вооруженное наукою, стремящееся все взвѣсить, измѣрить, исчислить, современное невѣріе возстаетъ противъ пониманія чуда, какъ акта непосредственнаго воздѣйствія Бога на жизнь міра, и объявляетъ библейскія чудеса частью вымышленными, частью же явленіями обычнаго порядка, подлежащими научному объясненію. На такую точку зрѣнія становится и тѣ защитники чудесъ, о которыхъ у насъ здѣсь идетъ рѣчь. А между тѣмъ нѣтъ ничего болѣе противнаго библейско-христіанскому взгляду на чудо, чѣмъ такое пониманіе. Библия нигдѣ не говоритъ о чудесахъ, какъ явленіяхъ противоестественныхъ, противорѣчащихъ нашимъ т. н. законамъ природы, но не потому, что признаетъ чудеса за явленія, которыя могутъ быть объяснены изъ этихъ законовъ исполнѣ, безъ остатка, а потому, что теченіе міровой жизни и исторіи человечества всецѣло подчиняетъ волѣ Божіей, творящей *ангелы своя духи и слуги своя пламень огненный*. Непосредственное воздѣйствіе воли Божіей производитъ чудо, т. е. явленіе такое, что выше естества, что существуетъ сверхъ обычнаго теченія жизни, что слѣд. сверхъестественно. Гдѣ чудо проявляется, тамъ законы природы какъ бы останавливаются свое дѣйствіе, уступая мѣсто высшей силѣ. О томъ, какъ возможно это *препобъжденіе* законовъ природы, могутъ спрашивать лишь совопросники вѣка сего, и слѣдующіи аналогіи изъ жизни природы даютъ имъ хорошій отвѣтъ. „Камень тонетъ

въ водѣ; но многіе предметы, которые потонуть въ водѣ, не потонуть во ртути, потому что ртуть гораздо тяжелѣе воды; нѣтъ ли такого раствора или нельзя ли воду такъ сгустить, чтобы удѣльный вѣсъ ея превышалъ вѣсъ камня?.. Вода замерзаетъ при— 1°R , но въ закупоренной трубкѣ въ спокойномъ положеніи можетъ остаться жидкостью и до— 10°R ; она кипитъ при 80° , но подъ стекляннымъ колпакомъ въ разрѣженномъ воздухѣ кипитъ и при комнатной температурѣ. Въ природѣ встрѣчаются даже какъ бы исключенія: отъ холода тѣла сжимаются, а вода замерзаетъ расширеною“ (Странникъ, 1898, I, 643)... Отсюда ясно, что защитникъ библейскихъ чудесъ ни съ какой стороны не вынуждается дѣлать уступки невѣрію; онъ не имѣетъ права ни отвергать ихъ, ни даже ограничивать ихъ въ какомъ либо отношеніи.

Впрочемъ, говоря о чудесахъ, какъ такихъ явленіяхъ, въ которыхъ дѣйствующею причиною выступаетъ непосредственная сила Божія, Библия далека отъ мысли, что въ данномъ случаѣ происходитъ насильственное вторженіе въ жизнь природы со стороны. Чтобы поколебать вѣру въ чудеса, иногда прибѣгаютъ къ такимъ разсужденіямъ: Богъ—говорятъ—обещалъ бытіе міра вѣчными и неизмѣнными законами природы: въ чудесахъ эти законы, очевидно, подавляются,—согласно ли это съ нашимъ понятіемъ о Богѣ и о совершенствѣ Его творенія?.. Библия бесконечно далека отъ такого механическаго представленія взаимныхъ отношеній Бога и міра. Не мирится оно и съ требованіями здравой мысли человѣческой, принимающей лишь то, что утверждено на прочномъ основаніи. Для всякаго здраво-мыслящаго человѣка очевидно, что существованіе міра безсмысленно, если Богъ стоитъ отъ него въ сторонѣ,—безсмысленны были бы и случайныя нарушенія обычнаго теченія міровой жизни посредствомъ чудесъ: зачѣмъ Богу нужно вмѣшиваться въ жизнь міра, если міръ можетъ суще-

Труды Киевск. Дух. Акад. Т. I. 1909 г.

ствовать самъ по себѣ, зачѣмъ въ такомъ случаѣ нуженъ міръ Богу и Богъ міру? Ясно, что мы должны рѣшительно отказаться отъ мысли о раздѣльномъ существованіи міра и Бога и о чудесахъ, какъ случайныхъ актахъ насильственного вторженія воли Божіей въ міровую исторію. Чудо—по взгляду Библии—не отъ того происходитъ, что Богъ якобы со стороны вторгается въ міръ, а отъ того, что, будучи Творцемъ міра, слѣд.—Существомъ отличнымъ и независимымъ отъ міра, Онъ въ тоже время непрерывно о мірѣ промышляетъ, ставя ему цѣли существованія и направляя его къ достиженію этихъ цѣлей какъ черезъ сохраненіе въ неизмѣнномъ видѣ данныхъ вначалѣ законовъ и силъ природы, такъ и черезъ нѣкоторое препобѣжденіе послѣднихъ, чрезъ введеніе въ дѣйствіе своего всемогущества, т. е. черезъ чудеса.

Такимъ образомъ, въ библейски-христіанскомъ пониманіи чудо не есть нѣчто случайное въ жизни міра и человека, что можетъ быть и не быть, безъ чего міръ можетъ совершенно свободно существовать. Кто именно такъ думаетъ, тотъ исполнѣ послѣдовательно поступаетъ, когда отдѣляетъ Бога отъ міра, предоставляя послѣднему жить и развиваться собственными силами; а если мы подобное міропониманіе считаемъ противорѣчащимъ всѣмъ нашимъ религіознымъ вѣрованіямъ и нисколько не пріемлемымъ для нашей мысли, то и чудеса, эти акты непосредственного воздѣйствія Бога на міръ, мы должны представлять себѣ какъ неустрашимый элементъ міровой жизни.

Эта христіанская точка зрѣнія чужда пантеистическихъ представленій. Пантеисты не отдѣляютъ Бога отъ міра, но въ то же время учатъ, что Богъ—во всемъ и все—Богъ; они говорятъ, что развитіе міровой жизни, въ которой мы наблюдаемъ медленный и постепенный переходъ отъ жизни неорганической къ органической, отъ безсознательной къ сознательной, есть развитіе именно абсолютнаго существа—Бога, отъ вѣчности раскрывающаго себя въ мірѣ. Поэтому—

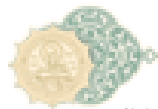
продолжаютъ они—все, что въ этомъ мірѣ кажется необычайнымъ, какъ бы выходящимъ изъ сферы дѣйствія извѣстныхъ намъ законовъ природы, конечно есть чудо, п. ч. произведено силою божественною, но чудо въ такомъ же смыслѣ, какъ и то, что относится нами къ явленіямъ обычнаго порядка.. Но кто не видитъ въ этомъ пониманіи міра полного отрицанія чуда? Если міръ и Богъ одно и то же, то значить все есть чудо, такъ какъ во всемъ—Богъ; а если все есть чудо, то значить чуда уже нѣтъ, нѣтъ его въ томъ пониманіи, какое усвоетъ ему и библейское, и общечеловѣческое религіозное сознаніе.

Выводъ изъ всего сказаннаго получается такой: кто для защиты христіанской вѣры въ чудеса останавливается на отдѣльныхъ библейскихъ чудесахъ и старается показать ихъ законмѣрность съ точки зрѣнія современныхъ нашихъ знаній о природѣ, тотъ не стоитъ твердо на библейской почвѣ и не можетъ имѣть совершеннаго успѣха, такъ какъ не въ состояніи выдержать своей точки зрѣнія даже въ отношеніи къ Библии, имѣющей для насъ значеніе священной книги, не говоря уже объ исторіи христіанской церкви.

Отсюда вполне понятно желаніе дать *другую постановку вопросу о чудесахъ*. И вотъ говорятъ слѣдующее: изучая библейскія чудеса, мы должны, какъ и при всякомъ историческомъ изслѣдованіи, различать лежащую въ ихъ основѣ идею и тѣ случайныя временныя формы, въ какія эта идея облекается. И совершенно нетрудно открыть идею, составляющую основу вѣтхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ повѣствованій о чудесахъ. Это есть *впра*, что Богъ въ извѣстныхъ обстоятельствахъ непосредственно воздѣйствуетъ на обычное теченіе жизни. Онъ утишаетъ бури, исцѣляетъ больныхъ, насыщаетъ голодныхъ, освобождаетъ узниковъ, возставляетъ мертвыхъ. Таково внутреннее религіозное убѣжденіе всѣхъ свящ. писателей. Конкретное выраженіе его составляетъ вѣра въ чудеса. При весьма ограниченномъ знаніи зако-

новъ природы, люди того времени, когда составились наши свящ. книги, въ каждомъ необычайномъ явленіи видѣли чудо, т. е. непосредственное дѣйствіе силы Божіей. Всѣ тогда жили въ мірѣ чудесъ—и вѣрующіе и безбожники, а изустное преданіе чрезвычайно склонно было преувеличивать размѣры этихъ чудесъ, такъ что рассказы о дѣйствительныхъ историческихъ происшествіяхъ легко могли превращаться въ настоящія легенды. Поэтому, читая Библию, мы должны отличать *фактическую достоверность* описываемыхъ здѣсь чудесъ отъ того *толкованія*, какое даютъ имъ свящ. писатели. Фактическая достоверность, еслибы и могла быть каждый разъ доказана, еще не свидѣтельствовала бы о томъ, что чудо дѣйствительно произведено непосредственнымъ воздѣйствіемъ Бога на міръ, а не естественными силами природы, почему въ религіозномъ отношеніи она и не имѣетъ для насъ существеннаго значенія; такое значеніе имѣетъ лишь *вѣра св. писателей въ чудесность описываемыхъ ими происшествій*: въ этой вѣрѣ—религіозная истина, въ ней Богъ открываетъ намъ Свою сокровенную, таинственную дѣятельность въ мірѣ, въ ней мы получаемъ то внутреннее свидѣтельство св. Духа, которое служитъ послѣднимъ основаніемъ нашей религіозной вѣры.

О чемъ же говорятъ намъ библейская вѣра въ чудеса по существу своему?—О томъ, что надъ міромъ и человекомъ возвышается Богъ. Какъ отецъ, Онъ промышляетъ о насъ, и иногда, по молитвѣ нашей, дѣлаетъ для насъ то, что не вызывается необходимо обычнымъ теченіемъ жизни, хотя въ тоже время и не противно ему: такъ бываетъ и въ семьѣ, что отецъ дѣлаетъ для своихъ дѣтей много такого, о чемъ они и не просятъ его, но многое даетъ имъ только по ихъ усиленной просьбѣ, хотя конечно и въ первомъ и во второмъ случаѣ все происходитъ въ сферѣ обычнаго течения жизни. Когда дѣйствія Божіи въ мірѣ являются отвѣтомъ на молитву вѣрующихъ, то они уже суть чудеса. *Чудо*

есть исполненіе молитвы, по слову Спасителя: „просите и дастся вамъ.“

Так. образомъ—заключаютъ защитники этого способа обоснованія христіанской вѣры въ чудеса—мы не отрицаемъ библейскихъ чудесъ, но только объясняемъ ихъ по-своему: для библейскихъ писателей чудо есть вторженіе Бога въ естественный порядокъ вещей, а для насъ оно—свободная, воли Божіею закономѣрная дѣятельность Божія въ мірѣ...

Изъ всего этого разсужденія, съ библейской точки зрѣнія, лишь одно пріемлемо—именно то, что основаніе для нашей вѣры въ чудеса заключается въ представленіи о Богѣ, какъ Отцѣ міра, не только сохраняющемъ бытіе этого міра, но и дающемъ ему нѣчто такое, что служитъ къ достиженію высшихъ цѣлей міровой жизни. Богъ есть любящій Отецъ нашъ, внимающій нашимъ молитвамъ и отвѣчающій на нихъ по мудрости Своей: эту мысль Библия дѣйствительно проводитъ черезъ всю исторію человѣчества, и въ ней мы черпаемъ для себя полную увѣренность, что чудеса какъ въ прошедшемъ всегда существовали, такъ и до конца вѣковъ будутъ существовать. Но изложенное разсужденіе о чудесахъ опирается еще на двѣ другія мысли—уже противныя Библии и потому для насъ непріемлемыя. Одна мысль—та, будто свят. писатели представляли себѣ библейскія чудеса, какъ акты нарушенія законовъ природы: мы уже видѣли, что въ Библии на это и намекъ нѣтъ, что Библия въ чудесахъ признаетъ только необычайныя дѣйствія свободной воли Божіей, которая конечно для осуществленія своихъ плановъ не имѣетъ нужды нарушать данныя ею же законы природы, хотя мы и не можемъ точно установить относительно каждаго чудеснаго явленія, какимъ способомъ оно могло быть произведено. Другая же мысль та, будто свят. писатели, повѣствуя о чудесахъ, заботятся не о точной передачѣ исторической дѣйствительности въ ея подлинномъ видѣ, а только о религиозномъ освѣщеніи неизвѣстныхъ намъ (а часто и имъ)

фактовъ исторіи, и будто вопросъ о фактической достовѣрности чудесъ библейскихъ не имѣетъ для нашей вѣры никакого значенія. Эта послѣдняя мысль есть результатъ усиленнаго стремленія современнаго инославнаго богословія—все въ области вѣры выводить изъ психологическихъ основаній и самое Откровеніе Божіе объяснять, какъ своеобразное обнаруженіе религіозныхъ потребностей человѣка: никогда, дескать, не было въ дѣйствительности никакихъ богоявленій и никакихъ чудесъ, какъ это представляютъ себѣ люди непосредственной вѣры, а было и есть лишь то, что человѣчество чувствуетъ потребность особннымъ образомъ воплощать свои религіозныя вѣрованія и потому подставляетъ эти вѣрованія подъ нѣкоторые необычайные факты исторической дѣйствительности. Если бы говорящіе и думающіе такъ „вѣдали Писанія и были научены истиною“, то знали бы, что противъ нихъ возстаетъ вся Библія, знали бы, что, когда, напримѣръ, еванг. Іоаннъ Богословъ повѣствуетъ о воскрешеніи Лазаря, то онъ озабоченъ именно точною передачею фактической стороны этого чуда, которой придаетъ весьма важное значеніе, почему и говоритъ: „тогда многіе изъ іудеевъ, пришедшихъ къ Маріи и видѣвшихъ, что сотворилъ Іисусъ, увѣровали въ Него. А нѣкоторые изъ нихъ пошли къ фарисеямъ и сказали имъ, что сдѣлалъ Іисусъ... За шесть дней до Пасхи пришелъ Іисусъ въ Виванію, гдѣ былъ Лазарь умершій, котораго Онъ воскресилъ изъ мертвыхъ. Тамъ приготовили Ему вечерю, и Марѳа служила, и Лазарь былъ однимъ изъ воздежавшихъ съ Нимъ“ (11, 45—46; 12, 1—2). Еван. Іоаннъ и все евангеліе, слѣд.—и повѣствованіе о чудесахъ Іисуса Христа, написаны съ тою цѣлью, „да вѣруете, яко Іисусъ есть Христосъ Сынъ Божій, и да вѣрующе, животъ имате въ себѣ“ (20, 31). Кто принимаетъ Библію, какъ слово Божіе, для того никакого не можетъ быть сомнѣнія въ исторической достовѣрности чудесъ: иначе всѣ повѣствованія библейскія о чудесахъ об-

ратятся въ ложное свидѣтельство вѣры, по слову ап. Павла: „обрѣтаемся же и лжесвидѣтеле Божіи, яко послушествовахомъ на Бога, яко воскреси Христа: Его же не воскреси, аще убо мертвіи не встають“ (1 Кор. 15, 15). Да и во что превратится наша вѣра, если не будетъ имѣть въ своемъ основаніи исторической дѣйствительности? Это уже будетъ не вѣра, а самообманъ, иллюзія...

Так. обр., и этотъ второй способъ защиты библейско-христіанской вѣры въ чудеса не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ во всемъ своемъ объемѣ, потому что онъ и неполнѣ соответствуетъ библейскому представленію о чудесахъ, и нашей вѣрѣ приносить, въ конечномъ своемъ выводѣ, скорѣе разрушеніе, чѣмъ утверженіе.

Есть еще одинъ способъ защиты христіанской вѣры въ чудеса, который по своимъ внутреннимъ основаніямъ долженъ быть признанъ наиболѣе пріемлемымъ. Онъ состоитъ въ томъ, что чудеса стараются оправдать общимъ ходомъ міровой жизни и всей исторіей нашего спасенія во Христѣ. Съ этой новой точки зрѣнія разсуждаютъ приблизительно такимъ образомъ: хотя данныя науки и уясняютъ намъ многое въ повѣствованіяхъ о библейскихъ чудесахъ, однако по существу своему чудеса эти суть явленія сверхъестественныя и потому для науки въ цѣломъ своемъ объемѣ необъяснимы; за то они необходимо предполагаются теченіемъ міровой жизни и составляютъ въ то же время неустранимый факторъ исторіи спасенія человѣчества во Христѣ Иисусѣ, такъ что кто хочетъ въ жизни міра и человѣчества видѣть какой-либо смыслъ, тотъ не можетъ не признавать чудесъ вообще, и въ частности не можетъ не признавать тѣхъ чудесъ, о которыхъ говоритъ исторія нашей вѣры и которыя имѣють въ ней глубокое значеніе.

И вотъ, какимъ образомъ могутъ быть оправданы библейскія и внѣбиблейскія чудеса на этой новой почвѣ.

Библия, въ согласіи съ общечеловѣческимъ сознаніемъ, на первой же страницѣ своей говоритъ намъ о томъ, что міръ есть твореніе Божіе. Конечная цѣль этого творенія—раскрытіе богоподобныхъ качествъ человѣческаго духа черезъ господство его надъ міромъ и, какъ слѣдствіе сего, блаженство человѣка. „И сказалъ Богъ: сотворимъ человѣка по образу Нашему, и по подобію; и да владычествуютъ они надъ рыбами морскими, и надъ птицами небесными, и надъ звѣрями, и надъ скотомъ, и надъ всею землею, и надъ всѣми гадами, пресмыкающимися по землѣ“ (Быт. 1, 26 ср. ст. 27—28). Средство для достиженія этой цѣли—личное общеніе человѣка въ Богомъ, которое должно поддерживаться свободнымъ исполненіемъ заповѣди Божіей. Данная въ раю заповѣдь означала, что въ развитіи жизни человѣчества инициатива будетъ принадлежать волѣ Божіей, а воля человѣческая свободно должна подчиняться ей. И такимъ взаимодействіемъ двухъ началъ міровой жизни—божескаго и человѣческаго должна опредѣляться вся послѣдующая жизнь міра и человѣка. Если бы не произошло паденія, то божественный планъ міровой жизни осуществился-бы, такъ сказать, естественно, безъ какихъ либо чрезвычайныхъ потрясеній въ этой жизни. Но когда паденіе первыхъ людей поставило препятствіе къ раскрытію первоначальнаго божественнаго плана, тогда воля Божія избрала лишь другой путь для осуществленія изначальной цѣли мірозданія; ибо Богъ „измѣняетъ дѣла, но не перемѣняетъ намѣреній“ (бл. Августинъ, Исповѣдь), Богъ вѣренъ въ Своихъ предначертаніяхъ и не можетъ оставить ихъ неосуществленными. Такое осуществленіе ихъ теперь должно было совершиться инымъ путемъ. Какимъ?—

Библия указываетъ намъ этотъ путь въ повѣствованіи о томъ, что Богъ даровалъ падшимъ людямъ первоевангеліе, или обѣтованіе о спасеніи, что Онъ опредѣлилъ чловѣку обрабатывать землю и добывать себѣ хлѣбъ въ потѣ

лица своего, а женѣ—рождать дѣтей въ болѣзняхъ, пока они не возвратятся въ землю, что, наконецъ, Онъ изгналъ первыхъ людей изъ рая, чтобы они не вкушали отъ плодовъ древа жизни. Значить, Богъ и теперь, послѣ паденія, какъ прежде, положилъ осуществить цѣль міровой жизни черезъ нѣкое личное общеніе съ человѣкомъ. Богъ не хотѣлъ ни конечной гибели человѣка, ни лишенія его свободной воли, ибо и то и другое не соответствовало бы первоначальному божественному плану. Нѣтъ, Онъ опредѣлилъ человѣку жить и работать на землѣ, какъ бы совместно съ Богомъ, хотя и среди скорбей и страданій; съ другой стороны, это печальное состояніе человѣка Онъ обратилъ въ средство для достиженія конечной цѣли міра. Онъ изгналъ человѣка изъ рая, чтобы, питаясь плодами древа жизни, онъ не увѣковѣчилъ себя и свой грѣхъ, и такимъ образомъ не сдѣлалъ бы невозможнымъ спасеніе человѣчества. Онъ изгналъ людей изъ рая, чтобы показать, что и теперь Богъ остается абсолютнымъ Владыкою міра и человѣка, но только—наказывающимъ и черезъ наказаніе спасающимъ. Такимъ образомъ, отношеніе Бога къ міру здѣсь получаетъ уже другой характеръ, чѣмъ какой имѣло бы оно безъ грѣхопаденія. Такъ какъ свободная воля внесла разстройство въ міровую жизнь и продолжала вносить его и впослѣдствіи: то Богъ непосредственное водительство Своею жизнью міра и человѣка проявляетъ уже въ томъ, что наказываетъ отступленіе свободной воли отъ плана божественнаго и тѣмъ направляетъ людей къ спасенію, т. е. къ восстановленію ихъ въ первобытное состояніе. Это и открываетъ мѣсто чудесамъ, какъ актамъ непосредственнаго вмѣшательства Божія въ разстроенную міровую жизнь. Такимъ образомъ, чудеса являются необходимымъ элементомъ міровой жизни и человѣческой исторіи. Послѣднія имѣютъ свой смыслъ только для того, кто признаетъ чудо.

Для разъясненія этой стороны нашего вопроса остановимся на чудесахъ ветхозавѣтныхъ, новозавѣтныхъ и вѣбъ библейскихъ.

Исторія до-христіанскаго міра опредѣляется особыми началами. Грѣхопаденіе внесло розстройство въ міръ; человекъ, вмѣсто общенія съ Богомъ, сталъ искать общенія съ міромъ, и пожелалъ поставить себя на мѣсто Бога. Такимъ образомъ его дѣятельность въ мірѣ получила отрицательное направленіе, насколько характеризовалась удаленіемъ отъ Бога, и положительное — насколько была направлена на подчиненіе себѣ міра въ цѣляхъ удовлетворенія тѣхъ запросовъ богоподобнаго духа человѣческаго, которые не были уничтожены грѣхомъ, а только извращены. Это извращеніе, конечно, всегда долженъ былъ чувствовать человекъ, и оно находило свое выраженіе въ томъ, что люди, несмотря на увеличеніе видимаго своего господства въ мірѣ, не смотря на постепенное овладѣваніе богатствами міра, его разнообразными благами, все таки не испытывали оттого чувства удовлетворенія, блаженства. Грѣхъ продолжалъ производить разстройство и во внутреннемъ мірѣ человека, и во вѣшней жизни. Такъ извратилось проявленіе человѣческаго начала міровой исторіи. Соотвѣтственно сему, и дѣйствія Божіи въ мірѣ получили двоякое направленіе: съ одной стороны. Богъ непосредственной силой Своей премудрости и всемогущества поддерживаеъ въ человѣчествѣ сознаніе необходимости общенія съ Богомъ для достиженія цѣли міровой жизни, а съ другой — наказываеъ людей за ихъ всецѣлое и безраздѣльное преданіе себя міру. Вотъ, почему въ исторіи идутъ рядомъ поколѣнія людей богобоязненныхъ, благочестивыхъ, сѣмья Божіе, и поколѣнія нечестивыхъ, безбожныхъ язычниковъ; между ними существуетъ рѣзкая противоположность и вражда. Вотъ почему, далѣе, мы встрѣчаеъ въ исторіи такіа чрезвычайныя дѣйствія суда Божіа надъ нечестивыми людьми, какъ потопъ, разсѣянiе народовъ, гибель Содома и

Гоморры. Послѣ разсѣянія народовъ, получившихъ по опредѣленію Промысла Божія особые предѣлы для своей жизни, дѣятельность человѣка, направленная имъ къ раскрытію своихъ силъ и дарованій въ борьбѣ за блага міра, получила особенную интенсивность, и исторія человѣчества стала исторіей отдѣльныхъ народовъ. Богъ не останавливаетъ этой дѣятельности, чтобы человѣкъ оставался всегда существомъ свободнымъ. Хотя это привело къ увеличенію грѣха, но грѣхъ былъ необходимымъ слѣдствіемъ свободы человеческого духа, по написанному: грѣшникъ пусть грѣшитъ и еще. Въ противовѣсъ неудержимому развитію грѣха, Богъ избралъ особый народъ, чтобы въ этомъ народѣ сохранить сознаніе необходимости возстановленія первообытной гармоніи, первоначального общенія человѣчества съ Богомъ. И въ исторіи этого избраннаго народа мы наблюдаемъ постепенный ростъ этого сознанія подъ вліяніемъ непосредственного личного водительства Божія. Это одна сторона непосредственного вмѣшательства Бога въ жизнь человѣчества—сторона положительная, проявлявшаяся во множествѣ богоявленій, знаменій и пророчествъ, смыслъ которыхъ можетъ быть выраженъ слѣдующими словами: „видите нынѣ, видите, что это—Я, Я—и нѣтъ Бога кромѣ: Я умерщвляю и оживляю, Я поражаю и исцѣляю, и никто не избавитъ отъ руки Моей“ (Втор. 32, 39); или „чтобы узнали отъ востока солнца и отъ запада, что нѣтъ кромѣ Меня; Я Господь и нѣтъ иного“ (Ис. 45, 6).

Другая сторона вмѣшательства Божія—отрицательная—характеризуетъ отношеніе Его къ міру языческому. Хотя апостолъ говоритъ, что Богъ „пустилъ всѣмъ народамъ ходить своими путями“, но онъ и то говоритъ, что Богъ не есть только Богъ іудеевъ, но и язычниковъ, и что Онъ не переставалъ свидѣтельствовать имъ о Себѣ черезъ законъ совѣсти, а также благоворя имъ и совершая надъ ними судъ (ср. Дѣян. 14, 16—17. Рим. 2, 14—15). Черезъ всю

исторію этихъ народовъ проходить одна божественная мысль, что всѣ результаты человѣческой дѣятельности, достигнутые на пути богоотступничества, носятъ въ себѣ начало разрушенія, смерти, ведутъ человѣка къ гибели и оставляютъ его сердце неудовлетвореннымъ, пустымъ...

И та и другая стороны этихъ чрезвычайныхъ дѣйствій Божіихъ въ мірѣ имѣютъ одну цѣль—возвратить человечество къ первоначальной гармоніи, къ общенію съ Богомъ,—показать, что нѣтъ другого Бога, кромѣ Бога Израилева. Посему и чудеса, совершенныя въ израильскомъ и языческомъ мірѣ, носятъ именно характеръ доказательствъ единогобожія и необходимости почитанія и поклоненія Богу Израилеву. *Кто Богъ велий, яко Богъ нашъ: ты еси Богъ, творяй чудеса!* Вотъ, о чемъ должны были говорить дохристіанскому человечеству чудеса какъ въ израильской исторіи, такъ и въ исторіи языческихъ народовъ, т. е. какъ чудеса, открывавшія людямъ Бога Спасителя, такъ и чудеса, свидѣтельствовавшія о Немъ, какъ о Судьѣ. Когда эта цѣль была достигнута, тогда окончился первый періодъ міровой жизни, тогда пришла полнота временъ: въ народѣ израильскомъ исчезли всякіе слѣды идолопоклонства, а язычники совершенно потеряли вѣру въ своихъ боговъ и въ цѣлесообразность избраннаго ими пути жизни. Такимъ образомъ открылось мѣсто для центрального библейскаго чуда—богovoплoщенія.

Когда человечество вполне сознало необходимость спасенія, послѣдовало возвращеніе его на оставленный имъ вначалѣ путь общенія съ Богомъ, и міровая исторія возвратилась къ начальному пункту своему. Это было совершено и могло быть совершено только непосредственною силою Божіею. Чтобы возстановить міръ въ то состояніе и исторію человечества возвратить къ тому пункту, гдѣ господство всецѣло принадлежало волѣ Божіей, а человѣкъ осуществлялъ цѣль своего бытія чрезъ свободное непрерывное общеніе съ

Нимъ, необходимо было Самому Богу возстановить это личное общеніе, необходимо было боговоплощеніе.

Фантазированіе современнаго протестантскаго богословія о лицѣ І. Хр., будто Онъ былъ сынъ Іосифа отъ Маріи, но по своимъ духовнымъ качествамъ сталъ идеальнымъ представителемъ человѣка, образцомъ великаго совершенства, и явился такимъ въ результатѣ постепеннаго развитія человѣчества въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ, есть явный абсурдъ, ни съ чѣмъ не сообразная ложь, которую невозможно прикрыть никакими софизмами. Какъ могла явиться эта небесная красота изъ земнаго безобразія, эта божественная мудрость изъ человѣческаго безумія, эта безконечная святость изъ ужасной бездны грѣха, эта совершеннѣйшая любовь изъ безпредѣльной вражды людской? Въ силу какихъ законовъ развитія это возможно? Не есть ли это злая насмѣшка надъ великимъ началомъ жизни міровой—началомъ развитія, которое христіанская вѣра исповѣдуетъ споконъ вѣка, а наука лишь недавно признала?

Нѣтъ, Іисусъ Христосъ есть величайшее чудо міровой жизни. и. ч. Онъ не отъ міра. Онъ отъ Бога, Онъ Сынъ Божій. Онъ есть Богъ во плоти, въ Немъ вся полнота Божества. Все, чего достигло человѣчество до явленія Христа въ міръ, выражено въ словахъ Богоматери—Архангелу Гавріилу: „се раба Господня, буди ми по слову Твоему“. и праведной Елисаветѣ: „величить дупца моя Господа, и возрадовася духъ мой о Возѣ Спасѣ моемъ.“ Въ глазахъ Божіихъ—Пресвятая Дѣва олицетворила человѣчество, жаждавшее спасенія и ставшее способнымъ къ его воспріятію. Посему Она избрана сосудомъ этого воспріятія, какъ и Ангелъ возвѣстилъ Ей: „Духъ Святый найдетъ на тя и сила Всевышняго осѣнитъ тя.“ О томъ, какъ это совершилось, мы не должны и спрашивать, ибо это тайна Божія. Вопросъ какъ здѣсь столь же перазрѣшимъ, какъ и вообще въ отношеніи ко всѣмъ непосредственнымъ дѣйствіямъ Божіимъ въ мірѣ, и

мы должны довольствоваться лишь тѣмъ, что сообщаетъ намъ исторія евангельская, какъ фактъ.

А исторія эта сообщаетъ намъ прежде всего, что жизнь Иисуса Христа представляетъ собою осуществленіе всѣхъ мыслей Божіихъ о міровой исторіи и самое полное раскрытіе богоподобныхъ качествъ Его человѣческаго духа. Всесовершенство преданность волѣ Божіей, какъ абсолютному закону жизни,—вотъ основное настроеніе въ жизни Иисуса Христа, соответствующее тому, что Богъ изначала опредѣлялъ о мірѣ (Ср. Іоан. 17, 5; Фил. 2, 8). Постоянное, непрерывное личное общеніе съ Отцемъ Небеснымъ—вотъ выраженіе его человѣческаго величія, соответственно тому, что опредѣлилъ Богъ о человѣкѣ, о развитіи его способностей, силъ и дарованій въ началѣ мірозданія. Какъ развивались въ Немъ эти силы и какой степени совершенства достигли, о семъ дивно говоритъ Самъ Иисусъ Христосъ и св. евангелисты: „Видѣвшій Меня видѣлъ Отца (Іоан. 14, 9)“. „И мы видѣли славу Его, славу, какъ Единороднаго отъ Отца“ (тамъ же 1, 14). Все, что рассказываютъ объ Иисусѣ Христѣ евангелисты, отъ рожденія Его въ Вифлеемѣ и до смерти на Голгоѣѣ, все носятъ на себѣ печать божественности. Всѣ дѣла и всѣ слова Его—являютъ намъ въ Немъ Сына Божія и вмѣстѣ Сына человѣческаго, т. е. Богочеловѣка. Въ Немъ всѣ силы развились до совершенства Отца Небеснаго: и умъ, и чувства, и желанія, и сила воли, мощь, энергія.

Высшій моментъ въ жизни Иисуса Христа есть воскресеніе Его изъ мертвыхъ, которое имѣетъ значеніе окончательнаго осуществленія божественнаго плана мірозданія. „Если пшеничное зерно, падши на землю, не умретъ, то останется одно; а если умретъ, принесетъ много плода“ (Іоан. 12, 24). „И совершившися, сдѣлался для всѣхъ виновникомъ спасенія вѣчнаго“ (Евр. 5, 9). „Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Иисуса Христа, по великой Своей милости возродившій насъ воскресеніемъ Иисуса Христа изъ мерт-

выхъ“ (1 Пет. 1, 3). „Если Иисусъ Христосъ не воскресъ, то тщетна вѣра ваша, и вы еще во грѣхѣхъ“ (1 Кор. 15, 17).

Такимъ образомъ, то, къ чему первые люди должны были придти безъ посредства тѣлесной смерти, т. е. безсмертіе, Иисусомъ Христомъ достигнуто черезъ тѣлесную смерть. Вотъ окончаніе того длиннаго процесса возстановленія міровой жизни, который начался въ раю. Нѣкоторые относятся скептически къ чуду воскресенія Иисуса Христа, какъ рассказываютъ о немъ евангелисты, но мы ясно видимъ, что безъ чуда воскресенія весь міръ, вся исторія остается непонятною, чудовищно бессмысленною: безъ факта воскресенія, безъ уничтоженія власти смерти человѣкъ не можетъ считать себя достигшимъ блаженства, конечной цѣли бытія и своего и всего міра. Въ православномъ христіанскомъ сознаніи смерть черезъ Иисуса Христа и нами будетъ побѣждена, потому что Иисусъ Христосъ и насъ ведетъ къ осуществленію божественнаго плана мірозданія тѣмъ же путемъ, которымъ и Самъ шель во время Своей земной жизни.

Явленіе въ міръ, жизнь, смерть и воскресеніе Иисуса Христа представляютъ поворотный пунктъ въ міровой исторіи. Поэтому и чудеса, которыя Богъ творилъ черезъ Богочеловѣка, должны были имѣть характеръ, отличный отъ чудесъ ветхозавѣтныхъ.

Въ Иисусѣ Христѣ возстановлено человѣчество въ первобытное состояніе, міръ приведенъ былъ къ тому моменту, когда Богъ и человѣкъ находились въ непрерывномъ личномъ общеніи. Иисусъ Христосъ былъ Богочеловѣкъ: отсюда печать Богочеловѣчества лежитъ на всѣхъ словахъ и дѣлахъ Его, также на всѣхъ чудесахъ Его. Иисусъ Христосъ долженъ былъ послужить къ возстановленію свободнаго общенія человѣка съ Богомъ въ Своей личности,—потому и чудеса Его должны были служить внѣшнимъ выраженіемъ этого общенія, и вотъ мы видимъ, что въ нихъ уже нѣтъ

того противопоставленія божественнаго начала человѣческому, которое было въ Ветхомъ Завѣтѣ, когда Богъ посредствомъ чудесъ напоминалъ о Себѣ, что Онъ единый Богъ. Въ чудесахъ Иисуса Христа находимъ выраженіе любви Божіей, распинающей Себя за людей для уничтоженія ихъ горя, каково бы послѣднее ни было. „Не послалъ Богъ Сына Своего въ міръ, чтобы судить міръ, но чтобы міръ спасенъ былъ черезъ Него“ (Іоан. 3, 17). „Сынъ человѣческій пришелъ не погублять души человѣческія, а спасать“ (Лук. 9, 55). Чудеса Иисуса Христа были знаменіями, которые указывали, съ одной стороны, на первоначальный порядокъ міровой жизни, а съ другой на конечную ея цѣль. Человѣкъ долженъ быть господиномъ міра, ему предназначено не знать болѣзни и смерти, онъ призванъ быть въ постоянномъ общеніи съ Богомъ: соответственно сему, и чудеса Иисуса Христа были трехъ родовъ. Въ однихъ Онъ являлъ Себя царемъ природы (превращеніе воды въ вино, хожденіе по водамъ, чудесный ловъ рыбы...); въ другихъ Онъ освобождалъ человѣка отъ болѣзни, страданій и слезъ; въ третьихъ, наконецъ, Онъ освобождалъ людей отъ злыхъ духовъ, чтобы сдѣлать ихъ чадами Божіими. Всѣ эти чудеса суть показатели того, чѣмъ должна закончиться міровая исторія: „и отретъ Богъ всякую слезу съ очей людей, и смерти не будетъ уже; ни плача, ни вопли, ни болѣзни уже не будетъ, ибо прежнее уже прошло“ (Апок. 21, 4).

При совершеніи чудесъ во время земной Своей жизни Иисусъ Христосъ встрѣчалъ нѣкоторое ограниченіе для Своей Богочеловѣческой силы въ условіяхъ земнаго существованія. Воскресеніе же изъ мертвыхъ изыало Его изъ сферы условій земной жизни и дѣятельности, посему Онъ по воскресеніи говоритъ ученикамъ: *Дадеса Ми всяка власть на небеси и на земли* (Мат. 28, 18). Теперь раскрытію Его человѣческой природы въ указанномъ отъ начала направленіи ничто уже не можетъ воспрепятствовать, какъ ничто не можетъ воспре-

пятствовать Его божественной силѣ творить чудеса для людей. Теперь Онъ становится главою человечества, Его спасителемъ. Человѣчеству открывается возможность стать Его Тѣломъ. Какъ это могло быть осуществлено?

Мірѣ языческихъ народовъ стоялъ далеко отъ Иисуса Христа, іудеи же привели Его на Голгофу и распяли, и лишь небольшой кружокъ учениковъ повѣрилъ въ Его бого-человѣчество, полюбили Его такъ, что считалъ для себя невозможнымъ жить безъ Него. Съ этихъ учениковъ и начинается организація новаго человечества. По Своемъ воскресеніи Иисусъ Христосъ въ продолженіе сорока дней являлся ученикамъ и бесѣдовалъ съ ними о тайнахъ спасенія, царства Божія. Онъ приготовилъ ихъ быть свидѣтелями той новой тайны, что черезъ Христа и во Христѣ всѣ люди могутъ найти то, что явилъ Богъ міру въ Сынѣ Своемъ. А какъ такими свидѣтелями могутъ быть только тѣ, кто живетъ въ свободномъ общеніи со Христомъ и въ этомъ общеніи ясно видитъ истину новаго пути къ восстановленію первобытной гармоніи въ исторіи міра,—то Спаситель и является Своимъ ученикамъ съ прославленнымъ тѣломъ и даетъ имъ осязать сіе тѣло, чтобы въ нихъ никакого не осталось сомнѣнія въ томъ, что ожидаетъ чадъ Божіихъ. Когда ученики были подготовлены къ своей великой миссіи, Иисусъ Христосъ вознесся отъ нихъ на небо къ Отцу небесному, предуказавши въ этомъ чудѣ путь и для всего человечества.

Какъ по этому пути идти?—Чтобы идти по нему, нужно дать перевѣсъ въ себѣ началу божественному, нужно исполниться Духа Святаго, ибо и Иисусъ Христосъ взшелъ къ Богу Отцу потому, что въ Немъ обитала вся полнота божества тѣлесно. Такимъ образомъ, ученики Иисуса Христа, ставшіе на путь новой міровой жизни, должны были получить Духа святаго. И это совершилось чудесно въ день сошествія святаго Духа на апостоловъ. Сошествіе святаго Духа было подготовлено всей предшествовавшей міровой

исторіей: человекъ именно къ тому и направлялся посредствомъ чудесъ, чтобы вступить въ личное общеніе съ Богомъ и раскрыть въ себѣ свойства богоподобія. А полное общеніе это возможно только черезъ изліяніе на людей Духа святаго. Это изліяніе было необходимо не только для того, чтобы ученики могли пойти путемъ Іисуса Христа къ Отцу Небесному, но и для того, чтобы такимъ образомъ наполнилась пропасть между небомъ и землею, чтобы установилась непрерывная связь между Богомъ и человекомъ,— и вотъ все это дается въ чудѣ сошествія святаго Духа на апостоловъ. Чудо сошествія открыло, такимъ образомъ, источникъ вѣчной жизни для человечества, съ тѣхъ поръ непрерывно текущей. Духъ святой созидаетъ тѣло Христова, новое человечество, глава Котораго—Христосъ, Бого-человекъ, возсѣвший одесную Бога Отца и принявшій, какъ Богъ, власть надъ міромъ, т. е. поставившій міру свою волю въ качествѣ закона вѣчной жизни, вѣчнаго спасенія.

Первые члены этого Тѣла, свв. апостолы, въ мѣру осуществленія ими того начала новой жизни, которое явление міру Іисусомъ Христомъ, творили чудеса, согласно предсказанію Спасителя: *именемъ моимъ бѣсы изженутъ, языки возмолвятъ новы, змѣя возмутъ, аще и что смертно испіютъ, не вредитъ ихъ; на недужныя руки возложитъ, и здрави будутъ* (Мрк. 16, 17—18). При этомъ замѣчательно, что въ этотъ апостольскій періодъ совершаются нѣкоторые и особенныя чудеса, соотвѣтствующія характеру времени. Какъ апостоламъ, этимъ свидѣтелямъ Христа, надлежало привести міръ ко Христу, въ царство Его, т. е. содѣйствовать возрожденію міра, обновленію духа человѣческаго,—то черезъ нихъ Іисусъ Христосъ и совершаетъ такіа чудеса, какъ изліяніе на людей даровъ святаго Духа и въ частности—дара языковъ, т. е. совершаетъ чудеса въ области духа человѣческаго, во внутреннемъ его существѣ. Такимъ образомъ, и здѣсь мы видимъ полное соотвѣтствіе чудесъ тому состо-

янію, въ которомъ находился человѣкъ на пути къ конечной цѣли своего бытія.

Съ періодомъ св. апостоловъ не окончились чудеса въ мірѣ. Они продолжали совершаться и въ послѣапостольское время и не прекратятся до конца вѣковъ. Это необходимо вытекаетъ изъ состоянія человѣчества, возрожденнаго Христомъ. Тѣло Христово до конца временъ будетъ оживляться Его богочеловѣческимъ духомъ и до конца временъ будетъ пить отъ источника жизни вѣчной, отъ благодати св. Духа. И какъ черезъ апостоловъ Іисусъ Христосъ творить чудеса, такъ творить Онъ и черезъ всякаго вѣрующаго, пребывающаго съ Нимъ въ постоянномъ общеніи и непрерывно усовершенствующаго свой духъ по образу совершенства Христова. И какъ чудеса Христовы были показателями Его господства надъ природою, надъ болѣзнями и страданіями человѣка, а также надъ нечистою силою; такъ и чудеса Его учениковъ всѣхъ временъ носятъ на себѣ эти же признаки, потому что всѣ ученики Іисуса Христа одинаково призваны сдѣлаться сынами Божиими, значить—наслѣдниками Божиими, обладателями того же богатства силъ и дарованій, что и во Христѣ Іисусѣ. Чудеса никогда не прекратятся. Самая кончина міра будетъ сопровождаться необыкновенными знаменіями и чудесами, которые всю міровую жизнь поставятъ на ту ось, какая была опредѣлена Богомъ въ началѣ міроузданія.

Но почему нѣтъ чудесъ въ наше время? Когда наши невѣрующіе современники задаютъ намъ этотъ лукавый вопросъ, то они безъ сомнѣнія разумѣютъ чудеса въ области внѣшней природы, въ области физическаго міра; они желали бы, что кто-нибудь и нынѣ накормилъ 5 хлѣбами и 2 рыбами тысячи народа, чтобы и нынѣ буря на морѣ прекращалась по одному слову человѣка, слѣпые прозирали, хромые ходили прямо. Но какое значеніе для царства Божія имѣли бы подобныя чудеса? Неужели серьезно кто-нибудь думаетъ,

что чудомъ въ области явленій внѣшней природы можно кого-нибудь изъ нашихъ современниковъ заставить увѣрять? Съ тѣхъ поръ какъ человѣкъ приучилъ себя обращать свою мысль къ такъ называемой закономѣрности внѣшнихъ явленій, для него чудо въ природѣ внѣшней не можетъ быть болѣе надежнымъ средствомъ къ вѣрѣ, а только развѣ новою проблемою для знанія. Вспомните, что лѣтъ десять тому назадъ школа французскаго доктора Шарко, для объясненія разныхъ чудесныхъ исцѣленій, сдѣлала попытку построить особую гипотезу о чудесномъ вліяніи на человѣка силы внушенія... Богъ не даетъ нашимъ невѣрующимъ современникамъ чудесъ во внѣшней природѣ потому, что они не поняли бы этихъ чудесъ. Богъ говоритъ съ людьми тѣмъ языкомъ, который для нихъ всего убѣдительнѣе, а не тѣмъ, который бы они желали слышать. И какъ мы не только пребываемъ внѣ Бога, но не имѣемъ тяготѣнія и къ людямъ Божиимъ, то если надъ нами или предъ нами и могутъ совершаться какія-либо чудеса, то лишь чудеса наказанія насъ судомъ Божиимъ.

Теперь должно быть понятно, почему разъясненіе внутренняго смысла чудесъ и значенія ихъ въ міровой жизни и исторіи человѣчества мы назвали наиболѣе удовлетворительною защитою ихъ. Изъ всего сказаннаго нами вытекаютъ слѣдующія неоспоримыя положенія, составляющія основаніе нашей вѣры въ чудеса:

1) Чудеса суть сверхъестественныя явленія въ области внѣшней природы, въ исторіи человѣчества и въ духѣ человѣческомъ, совершаемыя непосредственною силою Божіею и имѣющія своею цѣлью устраненіе тѣхъ препятствій къ осуществленію божественнаго плана мірозданія, которыя полагаетъ свободная воля падшаго человѣка.

2) Чудеса, поэтому, не могутъ подлежать изслѣдованію со стороны послѣдней причины своей, т. е. нельзя спрашивать о томъ, *какъ произошли* тѣ или другія чудеса, хотя

изученіе силъ природы и человѣческаго духа, при посредствѣ которыхъ они совершаются, и приближаетъ ихъ къ нашему пониманію.

3. Чудеса должны быть изучаемы богословскою мыслью, какъ факты историческіе, засвидѣтельствованные данными исторіи и христіанскимъ сознаніемъ. Въ этомъ отношеніи они составляютъ предметъ изслѣдованія, какъ всякіе другіе историческіе факты, и безъ возраженій принимаются нашимъ религіознымъ сознаніемъ, когда ясно доказана ихъ цѣлесообразность и историческая достовѣрность.

Такая постановка вопроса о христіанской вѣрѣ въ чудеса не новая; она ведетъ свое начало отъ древнихъ отцевъ церкви. Вспомнимъ, что именно такимъ образомъ защищалъ, напр., св. Аѳанасій Великій чудо боговоплощенія противъ язычниковъ (см. его слова „на язычниковъ“ и „о воплощенія Бога-Слова“). На этой же точкѣ зрѣнія стоялъ раньше св. Иринеѣ Ліонскій и позже—св. Кириллъ Іерусалимскій.

Свящ. Н. Гроссу.
